

Historia provinciae – журнал региональной истории. 2024. Т. 8, № 2. С. 610–648.
Historia Provinciae – the Journal of Regional History, vol. 8, no. 2 (2024): 610–48.

Научная статья

УДК 94(47)

<https://doi.org/10.23859/2587-8344-2024-8-2-6>

EDN: QRBVOR

Человек с ружьем: охотничьи записки советского юноши (по дневнику провинциального школьника 1947–1952 гг.)

Андрей Николаевич Кабацков

Пермский государственный национальный
исследовательский университет,

Пермь, Россия,

afsnik@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-9119-3930>

Andrei N. Kabatskov

Perm State University,

Perm, Russia,

afsnik@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-9119-3930>

Аннотация. Целью настоящего исследования является реконструкция жизненного мира советского школьника в 1947–1952 гг. на основании дневниковых записей провинциального юноши Николая Козакова. Автор рассматривает дневник в качестве особого исторического источника, относящегося к группе эго-документов. В статье на основании поденных записей сельского подростка предпринята попытка обнаружить значимые компоненты повседневности советской деревни и выявить взаимосвязь между «духом эпохи» и социальными ожиданиями, воображением и ценностными ориентациями в их индивидуальном преломлении. Теоретико-методологическим основанием исследования выступает концепция «социального времени», впервые введенная в научный оборот П. Сорокиным и Р. Мертоном. Для ее адаптации к анализу исторических источников используются подходы У. Эко, связанные с пониманием отсутствующих структур как элементов социальных порядков общества. Данная методология позволяет объединить анализ дневникового нарратива с представлениями о социальном и нормативном порядке, которые автор дневника не проговаривал, но разделял со своими современниками. Дополнительный пласт смыслов, присутствующий в эго-текстах, делает их важным ресурсом для понимания социального времени, коллективных представлений об эпохе. В личном дневнике Н. Козакова советская деревня представлена в качестве социального пространства, функционально ориентированного на подготовку молодого поколения советских подростков к самостоятельной взрослой жизни. Символом, олицетворяющим самостоятельность, ответственность и взрослость сельского юноши, представлено ружье. Практики его

© Кабацков А.Н., 2024

© Kabatskov A., 2024

получения, использования и заботы о нем формируют в дневнике особый тип нарратива о социализации в условиях советской деревни. Сохранение и воспроизводство в семейной среде ориентиров на ценности и модели поведения городского жителя, унаследованные от доэвакуационного этапа истории семьи, пробуждали у Н. Козакова особый стиль работы социального воображения. Пересечение социокультурных координат двух миров – сельского и городского – представленное в текстах дневника в индивидуальном измерении, позволяет показать многоплановость, неоднородность и агрегатное состояние жизненного мира советского подростка.

Ключевые слова: советское общество, послевоенный социализм, жизненный мир, советская деревня, социализация провинциального школьника, эго-документы, дневник Н. Козакова

Для цитирования: Кабацков А.Н. Человек с ружьем: охотничьи записки советского юноши (по дневнику провинциального школьника 1947–1952 гг.) // *Historia provinciae* – журнал региональной истории. 2024. Т. 8, № 2. С. 610–648, <https://doi.org/10.23859/2587-8344-2024-8-2-6>; EDN: QRBVOR

A Man with a Gun: The Hunting Sketches of a Soviet Youth (According to the Diary of a Provincial Schoolboy 1947–1952)

Abstract. The purpose of this study is to reconstruct the lifeworld of a Soviet schoolboy between 1947 and 1952 based on the diary of Nikolai Kozakov, a provincial young man. The author considers the diary as a special historical source belonging to the group of ego-documents. Referring to the daily diary entries of the rural teenager, the article attempts to discover significant components of everyday life in the Soviet village and to reveal the connection between the “spirit of the epoch” and social expectations, imagination and value orientations in their individual refraction. The concept of social time, first introduced into scientific discourse by Pitirim Sorokin and Robert Merton, serves as the theoretical and methodological basis of the study. In order to adapt it to the analysis of historical sources, the author uses the approaches of Umberto Eco related to the understanding of the absent structures as elements of social orders in society. This methodology makes it possible to combine the analysis of diary narrative with the ideas about social and normative order, which the diary writer did not verbalize but shared with his contemporaries. The additional meanings that are also found in ego-texts make them an important source for understanding both social time and collective perceptions of the epoch. N. Kozakov’s personal diary presents the Soviet village as social space functionally oriented to preparing the young generation of Soviet teenagers for future independent adult life. A shotgun is presented as a symbol of independence, responsibility, and adulthood of the rural young man. In the diary, the practices of obtaining, using, and caring for the gun form a special type of narrative about socialization in the Soviet village. Preservation and reproduction in the family environment of orientations towards the values and models of behavior of an urban resident, inherited from the pre-evacuation period in the family, awakened a special style of social imagination in N. Kozakov. The intersection of socio-cultural coordinates of the two worlds (rural and urban ones) presented in the texts of the diary in an individual dimension, allows us to reveal the multidimensionality, heterogeneity, and aggregate state of the lifeworld of a Soviet teenager.

Keywords: Soviet society, post-war socialism, lifeworld, Soviet village, socialization of a provincial schoolboy, ego-documents, the diary of Nikolai Kozakov

For citation: Kabatskov, A.N. “A Man with a Gun: The Hunting Sketches of a Soviet Youth (According to the Diary of a Provincial Schoolboy 1947–1952).” *Historia Provinciae – the Journal*

of Regional History, vol. 8, no. 2 (2024): 610–48, <https://doi.org/10.23859/2587-8344-2024-8-2-6>;
EDN: QRBVOR

Введение

В 2016 г. арт-фотограф и художник К. Глущенко издал отдельной книгой фрагменты дневника сельского водителя и механика Николая Козакова за 1962 г.¹ Также на сайте «ПРОЖИТО» были опубликованы фрагменты дневника Николая Козакова за 1948–1949 гг.²

Автор дневника родился в 1932 г. До десятилетнего возраста жил в г. Ленинграде, а в 1942 г. вместе с матерью был эвакуирован в г. Сергач Горьковской области. Первые дневниковые записи были сделаны им в 1945 г., последние – датируются 1997 г. Мать Н. Козакова преподавала в сельской школе немецкий язык, об отце ничего не известно.

Публикация вызвала интерес историков. Так, в рецензии Я. Голубинова на эту книгу в том числе отмечается следующее:

Для художника Кирилла Глущенко идеальным способом показать это смешение типического и экстраординарного в эпоху позднего социализма в СССР стало обращение к дневниковым записям и фотографиям нижегородца Николая Козакова (1932–2005) <...> [Николай Козаков] стал для художника выразителем судеб тех людей, что живут в неприметных пятиэтажках, в которых, однако, видятся не дома, а «множество спрессованных судеб»³.

Дневникам сельского механика-моториста также была посвящена открытая дискуссия с участием философов, театральных и кинокритиков: В. Лященко, П. Руднева и О. Шенторович⁴. Участники разговора пытались найти место истории «маленького человека» в большой литературной и художественной традиции. В этих дискуссиях Николай Козаков был символически наделен особым статусом – он стал олицетворением «молчаливого большинства» советской эпохи, а личный дневник превратился в политическую трибуну, где звучит речь гражданина, который не мог публично высказаться в тоталитарном

¹ Козаков Н.Н. Дневник. 1962. Москва: Глущенкоиздат, 2016.

² Козаков Николай Николаевич // Прожито. Электронный корпус дневников и воспоминаний. URL: <https://corpus.prozhito.org/person/257/1> (дата обращения: 20.07.2023).

³ Голубинов Я.А. Н.Н. Козаков. Дневник. 1962. Москва, Глущенкоиздат, 2016 // *AutobiografiЯ. Journal on Life Writing and the Representation of the Self in Russian Culture*. 2018. № 7. С. 271–272.

⁴ Дневники Н. Козакова, 1962 г. Открытый разговор // YouTube-канал «Дом культуры «ГЭС-2». URL: <https://www.youtube.com/watch?v=UuvRHthQRk> (дата обращения: 20.07.2023).

государстве. Впрочем, обсуждение его записей не вышло за границы тетрадок 1962 г. Дневники иных лет в те годы опубликованы не были.

Следует заметить, что, вопреки мнению Я. Голубинова, автор дневников не жил «в неприметных пятиэтажках», в послевоенные годы он проживал в селе, в деревенском бревенчатом доме. К молчаливому большинству он также не принадлежал. Подавляющее большинство советских людей не вели дневников в позднюю сталинскую эпоху. Также следует учесть, что человек, который ведет дневник, не молчит, он высказывается, в той или иной степени отражая свою жизненную позицию.

Благодаря сотрудничеству с командой М. Мельниченко⁵ появилась возможность ознакомиться с полным текстом дневника Николая Козакова и получить его электронную копию, поскольку дневниковые записи до сих пор не изданы целиком (они будут опубликованы отдельной книгой). На основании поденных записей сельского юноши мною сформулирована исследовательская задача: реконструировать жизненный мир советского школьника в 1947–1952 гг., обнаружить его значимые компоненты и выявить взаимосвязь между «духом времени» и индивидуальными социальными ожиданиями, воображением и ценностной ориентацией.

Основная часть

Дневники относятся к группе источников личного происхождения. Не так давно обсуждение теории и практики применения эго-документов в исторических исследованиях прошло в г. Екатеринбурге на базе Института истории и археологии УрО РАН⁶. В содержательной полемике историки и литературоведы продемонстрировали общность методологических установок: для понимания человека, коллективного пространства жизни и культуры повседневности источники личного происхождения обладают первостепенной ценностью. Организаторы научной дискуссии резюмировали:

Они [эго-документы] позволяют объяснить природу как дифференцированного, так и инвариантного видения истории различными

⁵ Михаил Мельниченко – кандидат исторических наук, директор Центра изучения эго-документов «Прожито» при Европейском университете в Санкт-Петербурге.

⁶ Подробнее о конференции и дискуссиях см.: *Голубинов Я.А.* Конференция «Эго-документы: межисточниковые диалоги о России первой половины XX века в историко-литературном контексте», 14–17 сентября 2021 г., Екатеринбург // *AvtobiografiЯ. Journal on Life Writing and the Representation of the Self in Russian Culture*. 2021. № 10. С. 503–506; *Кабацков А.Н.* Научная конференция «Эго-документы: межисточниковые диалоги о России первой половины XX века в историко-литературном контексте» (Екатеринбург, 14–17 сентября 2021 года) // *Гуманитарные науки в Сибири*. 2022. Т. 29, № 3. С. 112–117.

индивидами и группами, и вместе с тем фиксируют структурирующую функцию самоописательных практик, их способность генерировать, консервировать и модифицировать те или иные социальные альянсы⁷.

Для историков советского общества личные дневники обладают особой привлекательностью. Они содержат ценные сведения о культурных и социальных координатах понимания исторической эпохи современниками, авторами и адресатами эго-текстов. Как отмечала И.М. Савельева, анализируя дневники «военного времени», эпохи, когда радио и страницы газет были заполнены властной пропагандой,

...на их страницах практически не отражается официальный «великий нарратив», который творился уже во время войны в печати, в кино и литературе⁸.

Дневники хранят ту информацию, которую историк с большими затруднениями и часто безрезультатно ищет в официальных документах партийных и советских органов.

Личные дневники многогранны. Они сохранили и донесли до наших дней не только сведения о приватной, частной жизни своих авторов. По замечанию Ю.П. Зарецкого, исследователь должен рассматривать автобиографический текст в качестве социального поступка, коммуникативного акта, транслирующего нам сведения о социальном времени, в котором создавалось повествование⁹.

Отметим здесь, что концепция социального времени была введена в систему гуманитарных исследований П. Сорокиным и Р. Мертоном, писавшими, что

...социальное время, в отличие от времени в астрономии, обладает качествами, а не только количеством; эти качества производны от

⁷ Эго-документы: Россия первой половины XX века в межисточниковых диалогах / под редакцией М.А. Литовской, Н.В. Суржиковой. Москва; Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2021. С. 5.

⁸ Савельева И.М. Личная история vs Великий нарратив в дневниках военного времени // Эго-документы: Россия первой половины XX века в межисточниковых диалогах / под редакцией М.А. Литовской, Н.В. Суржиковой. Москва; Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2021. С. 29.

⁹ Зарецкий Ю.П. Эго-документы советского времени (из исследовательского опыта), или Вступительное слово // Эго-документы: Россия первой половины XX века в межисточниковых диалогах / под редакцией М.А. Литовской, Н.В. Суржиковой. Москва; Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2021. С. 24–25.

верований и обычаев группы, они также служат обнаружению ритмов, пульсаций, биений обществ, в которых найдены¹⁰.

Социальные теоретики делали акцент на коллективном характере времени, его зависимости от конкретно-исторических обстоятельств бытования групп и сообществ. Фактически при помощи концепта социального времени они стремились согласовать групповые характеристики поведенческой культуры и социального воображения, форм мышления, которые определяют повседневное существование групп и сообществ.

Обращаясь к категории социального времени, современный историк решает схожие задачи. Он помещает анализ прошлого в систему социокультурных координат, аутентичных мышлению и поведенческим практикам людей, групп и сообществ, и стремится рассматривать феномены прошлого в том виде и статусе, которыми их наделяли современники. Именно эго-тексты могут оказать ему серьезную помощь в решении указанных исследовательских задач.

Стоит подчеркнуть, что репрезентативность информации о культуре, коллективном опыте проживания, социальных практиках, о которых повествуют историку личные дневники, оценивается по особым правилам. Количественные параметры описания массива источниковой базы должны уступить место качественным характеристикам, которыми обладают конкретные, зачастую немногочисленные эго-документы. При работе с дневниками также требуется применение особых техник работы историка с текстом источника. В нашем случае предполагается использование методологии У. Эко, ориентированной на реконструкцию не проговоренного, но подразумевавшегося. Невидимые, неартикулированные элементы повествования создают в тексте особый пласт смыслов и влияют на нарратив, оценки и суждения автора. Они часть культурного опыта, который автор дневника разделяет с современниками. Общеизвестные и очевидные для сообщества и группы институциональные факторы, паттерны культуры не нуждаются, как правило, в рефлексивном описании¹¹.

Послевоенные дневники Николая Козакова – интересный и ценный исторический документ. Записи охватывают продолжительный период времени. Их автор проживал в сельской глубинке. О повседневности советской

¹⁰ Сорокин П.А., Мертон Р.К. Социальное время: опыт методологического и функционального анализа // Социологические исследования. 2004. № 6 (242). С. 116.

¹¹ Подробнее об умолчаниях и топосах культуры как элементах дневникового текста см.: Кабацков А.Н. О чем молчит дневник рабочего завода № 19 А.И. Дмитриева // Эго-документы: Россия первой половины XX века в межисточниковых диалогах / под редакцией М.А. Литовской, Н.В. Суржиковой. Москва; Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2021. С. 309–332.

деревни сохранилось не так уж много источников, свободных от официального политического нарратива советских текстов. Николай Козаков был начитан, умел писать, хорошо учился и, что также сыграло свою роль, был выходцем из городской среды. Его первичная социализация прошла в Ленинграде – «колыбели Октябрьской революции», что наложило особый отпечаток на повествование школьника о сельской среде. Для деревенского окружения наш герой не был своим ни по происхождению, ни по первичной социализации, ни по семейному воспитанию, ни по культуре, транслируемой в домашней среде. Семья учительницы, эвакуированная из большого города, отличалась от семей односельчан даже после нескольких лет жизни в этой среде в условиях военного и послевоенного времени. Проходя в сельской школе этапы подростковой социализации, взрослея в деревенской среде, Николай Козаков воспринимал окружающий мир сложнее, чем типичный деревенский подросток.

Элементы сельского уклада доминировали в его быту. Он был обязан выполнять рутинную работу по уходу за птицей и животными на семейном подворье. Ритмы и характер обыденных практик также определялись правилами деревенской жизни:

Мама хотела итти в д[етский]/д[ом], но на б[ольшой] дороге встретила Бурду, который ехал на картошку. Пришлось и нам итти туда же. У меня после вчерашней копки разболелась спина, и мне копать было трудно¹².

В рассказах Н. Козакова о себе преобладали сюжеты, связанные с лесом, происшествиями в деревне, рутинной обучением в сельской школе. Вместе с тем, дневниковый текст отразил его постоянное развитие, совершенствование навыков самоописания, построение особого нарратива о подростковом «Я», его месте в деревенской культуре. Записи в тетрадках стали подспорьем для школьника, пытавшегося найти собственное место скорее во взрослом, чем в детском мире.

Можно сказать, что наш герой находился на перекрестке нескольких культур – городской и сельской, подростковой и взрослой, что заметно повлияло на его текст. Подростковый рассказ об играх со сверстниками смешивается с нарративом об оружии и практиках освоения роли семейного добытчика – охотника. Повествование о требовательном, нормативном жизненном мире школы и подготовке к экзаменам сопровождается

¹² Дневник Н. Козакова. Тетрадь № 7. Запись от 18 сентября 1947 г. (Электронная копия) // Прожито. Электронный корпус дневников и воспоминаний. URL: <https://corpus.prozhito.org/person/257/1> (дата обращения: 20.07.2023). Сохранена орфография оригинального текста.

откровениями о краже патронов из кабинета военрука. Вряд ли историку следует слепо следовать за ходом повествования. Смещение культурных порядков, норм и правил, социальных образов, которые привнес в рассказ о себе молодой парень, отразило смещение традиций, групповых культур, носителем которых он был. Внешние обстоятельства – война и затяжное восстановление ритмов мирного существования в послевоенные годы – повлияли на его социализацию. Дневник же стал неотъемлемой частью его взросления и социального самоопределения. Записанные сельским парнем рассказы превратились в тексты о культуре, о социальном времени, повествуя о конструировании идентичности по лекалам социалистического общества, согласно установкам и нормативам коллективной жизни в условиях советской деревни.

Обратим внимание, что Николай Козаков начинал вести дневник, будучи школьником средних классов, фактически только вступая в подростковую возрастную группу. Ограниченный социальный опыт, присущий ему в тот период, компенсировался социальным воображением и практиками подражания. Он подчинял текст тем формам коллективного мышления, которые были ему доступны как подростку, воспринимающему мир целостно и эгоцентрично в границах локальных вариантов культуры: семейной, деревенской, школьной...

Он ничего не писал о войне. В его тексте мало внимания уделялось насущным жизненным проблемам в условиях послевоенного дефицита товаров и продуктов. Бытовые сложности существования в сельской среде также оставались за границами повествования.

Николай Козаков не жаловался в дневнике. В подростковой среде жаловаться означало демонстрировать слабость. Он стремился показать себя самостоятельным, успешным и сильным. Даже о личных проблемах, связанных с заиканием, которое заметно осложняло его ухаживания за девушками в старших классах школы, он избегал упоминать. Тема заикания появилась лишь тогда, когда он воспользовался случаем и прошел курс лечения в московской клинике:

Я был в своей поликлинике, где должен лечиться от заикания. Там уже все было готово, и в среду (т.е. 4 июня) должно было начаться лечение. <...> Я ездил вчера в Москву, они дали мне направление в Райздрав. Я отнес его тетке, а они уже должны достать путевку¹³.

¹³ Записи сделаны им спустя несколько дней, постфактум. Поэтому носят не последовательный характер. Дневник Н. Козакова. Тетрадь № 36. Запись от 6 июня 1952 г. (Электронная копия). URL: <https://corpus.prozhito.org/person/257/1> (дата обращения: 20.07.2023).

Действительно, рассказывать в подростковом дневнике о сложностях послевоенного времени – напрасный труд. Об этом и так знали все. Данная информация не позволяла выразить себя. Приоритетными стали совсем иные темы, менее масштабные, чем война и ее последствия.

Для их понимания необходимо произвести реконструкцию координат ряда культур, носителем которых показал себя Н. Козаков на страницах дневника, и установить, из каких символов, паттернов и моделей поведения создавались его автобиографичные рассказы.

Фундаментом социализации нашего героя выступала городская культурная традиция. При этом в записях 1947–1953 гг. тема города появлялась нечасто. По нашему мнению, поводов для ее возникновения было не так уж и много. В записях автора дневника город выглядит запутанным, опасным и неприглядным местом, где жизнь постоянно требовала расходов, денег все время не хватало, люди в университете и институте казались недружелюбными; кроме того, в общественных местах существовало множество ограничений и условностей, а в отношениях с другими людьми проявлялись иерархичность и атомизированность городской среды. Николаю Козакову жизнь в городе не нравилась. Тем не менее, он демонстрировал на страницах дневника ориентиры на типичные для городской культуры ценности и модели поведения. Источником такой ориентации была домашняя, устная по преимуществу, семейная традиция.

Об истории семьи автор дневника тоже не писал, поскольку она не нуждалась в дополнительном проговаривании. Семейную историю знали родственники, а последствия эвакуации и сельская жизнь учительницы немецкого языка и ее сына были на виду у всего деревенского сообщества. Но память о городском прошлом, времени до эвакуации сохранялась в семье. Ее актуализировали официальные сообщения по радио, публикации в газетах про Ленинград и блокаду, которую пережил его родной город. Тема Ленинграда была заметным сюжетом советского официального дискурса о войне. В дневнике нашего героя политические сообщения из газет и радио, как правило, не воспроизводились.

Лишь в 1994 г. Николай Козаков упомянул о своем происхождении на страницах дневника, когда боролся за получение официального статуса «жителя блокадного Ленинграда», дававшего надбавку к пенсии:

Начал шевелиться насчет признания статуса блокадника Ленинграда: послал письма в ГАГО и администрацию г. Пушкина¹⁴. <...> Собрав ксерокопии сохранившихся блокадных бумаг, присланную из ГАГО справку о том, что мы были эвакуированы, ходатайство из Горьковского общества блокадников, послал всё в Ленинград (С.-Петербург). Будем ждать¹⁵.

Спустя три месяца, в августе он резюмировал:

Было много скандалов и разночтений, и в конце концов пенсию прибавили с коэффициентом 1,15, т.е. у меня вышло 60,18 р. и плюс добавка 19,7, всего – 79,88 руб.¹⁶

Семейные предания по-своему хранили память о городском прошлом. Социальное воображение нашего автора, в годы учебы в сельской школе, его мечты об университете, профессии биолога и карьере, о которых он писал в дневнике, выглядели типичными для городского подростка. В семье культивировалась и поддерживалась его мотивация на самореализацию через образование и научно-ориентированную профессию.

Подготовительным этапом к вузу стал переезд семьи на новое место жительства. Сложно сказать, какие жизненные обстоятельства вынудили Николая с матерью к переезду. В 1948–1949 гг. в дневнике появилось несколько заметок о том, что отношения с владельцами их деревенского дома осложнились. Вполне уместно допустить, что переезд в итоге стал семейным решением, принятым, прежде всего, в интересах его личного будущего. Дневниковой тетрадки с записями о самом переезде не сохранилось.

Новое место проживания, село Кадмицы, располагалось на берегу Волги. Село было большое, с собственной пристанью. Осуществлялось регулярное речное сообщение, делавшее доступными поездки в город Горький. А в перспективе студент Козаков имел бы возможность приезжать к матери в деревню за продуктами. Выбор нового места проживания и работы был обусловлен рациональностью и расчетливостью взрослого опытного человека: учителей в сельских школах не хватало, поэтому у матери нашего героя не возникло особых сложностей с трудоустройством. Более того, в новом селе ей сразу выделили для проживания отдельный дом.

¹⁴ Дневник Н. Козакова. Тетрадь № 41. Запись от 4 июня 1994 г. (Электронная копия). URL: <https://corpus.prozhito.org/person/257/1> (дата обращения: 20.07.2023)..

¹⁵ Дневник Н. Козакова. Тетрадь № 41. Запись от 21 июля 1994 г. (Электронная копия). URL: <https://corpus.prozhito.org/person/257/1> (дата обращения: 20.07.2023).

¹⁶ Дневник Н. Козакова. Тетрадь № 41. Запись от 8 августа 1994 г. (Электронная копия). URL: <https://corpus.prozhito.org/person/257/1> (дата обращения: 20.07.2023).

Для самого Николая переезд был связан с серьезной адаптацией к изменившимся условиям жизни, к новому школьному коллективу, сверстникам и незнакомым ранее учителям. Дополнительные сложности принесло первое романтическое увлечение одноклассницей Женей. Однако несмотря ни на что, главной целью юного Козакова стали хорошие оценки на экзаменах и получение медали, поскольку выпускников, окончивших школу с медалью, зачисляли в вуз без экзаменов.

Дневник чутко зафиксировал изменение в социальных мотивациях автора. Записи о друзьях-одноклассниках, школьных ситуациях и коллизиях общения с новыми учителями стали основными темами его автобиографических рассказов за 1950–1951 гг. В выпускном классе он четче осознал собственный социальный статус – школьника, находящегося на пороге взрослой жизни. Обучение в вузе воспринималось им как путевка в большую самостоятельную жизнь и стало приоритетной ценностью для старшеклассника Николая Козакова. Ради достижения поставленной цели он прилежнее относился к урокам, уделял внимание учебным заданиям, тщательно готовился к экзаменам. Кратковременная пауза в напряженной учебе, связанная с поездкой вместе с матерью в Горький, ощущалась как большой праздник:

После кино пошли «домой». Мама принесла из буфета чаю и коврижку. Мы попили. Потом я записывал свои дневные наблюдения. Эх, хорошо тут сидеть, не находясь в зависимости от всевозможных кровососов! Завтра не просыпайся в 7 часов и не корпи над книгами!¹⁷

Стремление к новому статусу проявилось также в принятии новых культурных норм. Молодой человек, которым он стал себя ощущать, должен ухаживать за собой. В дневнике появились записи, демонстрирующие заботу Николая о собственной внешности:

...сел на крылечко парикмахерской и стал дожидаться. Просидел я долго, когда, наконец, пришел один из парикмахеров. Он меня подстриг, причем очень укоротил волосы, так что они теперь не лежат, а стоят. Уплатив два с полтиной, я пошел домой¹⁸.

Досуговые практики также поменялись. Походы в кино, встречи с друзьями, танцы под патефон – все это определяло новый стиль поведения автора

¹⁷ Дневник Н. Козакова. Тетрадь № 26. Запись от 8 марта 1950 г. (Электронная копия). URL: <https://corpus.prozhito.org/person/257/1> (дата обращения: 20.07.2023).

¹⁸ Дневник Н. Козакова. Тетрадь № 27. Запись от 1 апреля 1950 г. (Электронная копия). URL: <https://corpus.prozhito.org/person/257/1> (дата обращения: 20.07.2023).

дневника. Николай Козаков стремился всячески подчеркнуть собственную образованность и готовность к университетскому образованию. Он был даже не прочь прихвастнуть перед товарищами умением вести дневник:

Изо всех здешних, кадницких ребят я более или менее люблю только Вовку Власова и вот его, Юрку. Да и то, я узнал его совсем недавно. Но он мне понравился. Хотя, конечно, в известной мере матерщинник. Но это свойственно всем деревенским парням. Иван-то ведь такой же был, а я с ним был очень дружен. Одно другому не мешает. Юрка простой очень, веселый, как, вероятно, и все члены этого доброго семейства. Побеседовав с Юркой, я пошел домой. Скоро пришли старшие мальчишки. Мы просидели до темноты, и потом я уже зажег лампу. Вовке дал почитать дневничка¹⁹.

В подобных заметках можно распознать дополнительные, не проговоренные автором смыслы: деревенские постоянно матерятся, грубоваты и в целом не понимают, как следует вести себя в общественном месте. Николай считал, что отличается от них именно тем, что понимает и принимает нормы культурной городской жизни. На страницах дневника он видел себя уже состоявшимся студентом университета.

Создавая собственный образ студента, а значит, городского парня, он подражал эталонным героям советского экрана и литературы: курил папиросы, философствовал, ухаживал за девушкой, пробовал писать стихи. На страницах дневника вырисовывался образ образованного, успешного, культурного парня, представителя советской молодежи, который понимает, чего хочет от жизни, и убежден в своих широких перспективах. Самоощущение Николая Козакова в 1950 г. было полно пафоса и самодовольства. Он воспринимал собственный статус настолько высоко, что стал позволять себе оценивать педагогов. Конфликтую с одной из учительниц, Николай сопровождал дневниковые записи о ней неллицеприятными суждениями и характеристиками.

Впрочем, будучи сыном школьной учительницы, Николай не испытывал боязни перед школьной администрацией. Статус матери защищал его. Пойманный за кражей патронов из стола школьного военрука Николай не ощутил заметных санкций и последствий этого поступка. Все закончилось тем, что его мать оплатила стоимость патронов и дело «о краже» не получило дальнейшего развития. Типичные школьные шалости, такие как использование шпаргалок и списывание, даже не рассматривались им с позиций риска. В

¹⁹ Дневник Н. Козакова. Тетрадь № 27. Запись от 3 апреля 1950 г. (Электронная копия). URL: <https://corpus.prozhito.org/person/257/1> (дата обращения: 20.07.2023).

дневнике о них рассказано как о поступках общепринятых в ученическом коллективе.

Николай Козаков успешно окончил школу, сдал экзамены, получил серебряную медаль. Он поступил на биологический факультет Горьковского университета. Но не смог учиться в городе. Правила городской жизни, требовательность университетских преподавателей, их нежелание закрывать глаза на нарушения учебного распорядка стали для него слишком сложным социальным вызовом. Оказалось, что он не готов к такой жизни, не готов к самостоятельности и ответственности, которые предполагали городские сообщества и институты. В городе он продолжал оставаться сельским парнем, не сумевшим адаптироваться к атомизированной, динамичной и требовательной социальной среде.

Сельская социализация Н. Козакова, изменения, которые произошли с ним под влиянием деревенской культуры, оказались глубже и сильнее, чем это можно было предположить на основе самоописания и самооценок. Его идентичность изменилась под влиянием целого ряда факторов сельской социализации. Личные дневники, в которых он записывал рассказы о подростке-охотнике в условиях голодного послевоенного времени, позволяют нам исследовать процесс принятия им норм и правил сельской культуры в 1947–1949 гг.

Ключевой лейтмотив его первых пространственных подростковых рассказов о себе – это тема охоты, собирательства и природы. Николай Козаков очень любил читать. И литература стала для него источником вдохновения и подражания. На страницах дневника он создал собственную версию «Записок охотника».

Молодой И.С. Тургенев в XIX в. в оригинальных «Записках охотника» открыл перед городской читательской аудиторией мир деревенской жизни, рассказав о людях сельской глубинки. Классик наделил своих героев живыми характерами, проявлявшимися в различных действиях и поступках. Спустя столетие Н. Козаков создал собственную версию повествования о деревне, о природе и охоте, при этом в его рассказах практически нет людей.

Центром повествования Николая Козакова был он сам. Рассказы автора о сельской жизни скупы, социальные портреты односельчан в них отсутствуют. Повествование ведется о себе и собственных опытах. Из дневника молодого охотника можно узнать, как он выслеживал кулика или тетерева, как успешно добыл зайца зимой, почему ерши испортили рыбалку.

Реальность природы для Козакова не предполагает иных субъектов, кроме охотника, а потому именно охотник стал главным героем его автобиографического повествования. Некоторые эпизоды и рассказы дневника напоминают в чем-то повести К. Паустовского, другие – воспроизводят фабулу

приключенческого романа, где герой сталкивается с непредвиденными обстоятельствами, но обязательно достигает поставленной цели и добивается успеха. Охотничьи рассказы Николая Козакова – это повествование о городском подростке, который попробовал обрести субъектность в сельской среде и сумел достичь успеха.

Показательно увлечение нашего героя книгами о природе и животных А. Брема. Они произвели на него огромное впечатление. Николай Козаков тут же решил следовать литературному эталону. Начал с малого, собрал коллекцию и создал подробное описание птичьих яиц:

...Завтра хочу составить список всех имеющихся яиц в красках, и, может быть, сколотить новую крышку на ящик²⁰.

Далее, подражая А. Брему, Николай разработал специальную методику системного описания местных птиц. Стал создавать каталог местной фауны. Для сбора настоящей коллекции пернатых научился выделывать чучела:

На обделку ястреба мы затратили около 4,5 часов. Он ужасно отощал, киль его совсем торчал и оголился, но снимать его было хорошо, если бы не очень длинные бедра и голени. Одно его портит – это запекшиеся в крови перья раненой шеи²¹.

Подробно описывал он уникальные экземпляры птиц:

У Брон[иславы] Каз[имировны] есть дубонос, довольно редкая у нас птица, еще нелетный птенец. Он вполне оперился, но еще плохо летает. Они кормят его подсолнечными семечками, которые он уписывает с величайшим удовольствием. Он довольно красив: сверху желтовато-бурого цвета, снизу светло-серого; крылья и конец хвоста сине-черные, причем основание хвоста и зеркало на крыльях ярко-белого цвета. Огромный клюв, как и ноги, вооруженные цепкими когтями, розоватого цвета, а маленькие глаза карие²².

На страницах дневника наш герой хвастался успехами в охоте и исследовании местных пернатых.

²⁰ Дневник Н. Козакова. Тетрадь № 3. Запись от 28 апреля 1947 г. (Электронная копия). URL: <https://corpus.prozhito.org/person/257/1> (дата обращения: 20.07.2023).

²¹ Дневник Н. Козакова. Тетрадь № 17. Запись от 26 сентября 1948 г. (Электронная копия). URL: <https://corpus.prozhito.org/person/257/1> (дата обращения: 20.07.2023).

²² Дневник Н. Козакова. Тетрадь № 17. Запись от 26 сентября 1948 г. (Электронная копия). URL: <https://corpus.prozhito.org/person/257/1> (дата обращения: 20.07.2023).

Николай Козаков ответственно относился к самостоятельно принятой на себя роли зоолога-любителя. Он держал дома пустельгу – местного ястреба. Принес домой раненую сороку, вылечил ее. Сделал специальную клетку для содержания птиц. Выделил тетрадку, куда скрупулезно заносил информацию о произведенных наблюдениях.

Все это отличало его от взрослых деревенских охотников, за которыми он мог наблюдать, когда заглядывал к друзьям в гости:

Я заходил к ним в дом. На дверке сеного чулана в очень красивой комбинации висели, прибитые, крылья сороки и пустельги. В сенях много шкур, на крыльце сушилась, распяленная на доске, шкурка крота, стояли всевозможные сачки и петли. Из этого я заключаю, что отец Файкин, вероятно, охотится²³.

Деревенский охотник рассматривал птиц, животных исключительно в качестве добычи. Они для него были источником пропитания, обмена или продажи. Николай Козаков преследовал иные цели. Он стремился действовать как ученый. Накопив информацию, попробовал установить контакт с известным зоологом, профессором И.И. Пузановым²⁴ и поделиться с ним полученной информацией:

Придя домой, я стал писать письмо проф[ессору] Пузанову по отношению вилхвостой чайки, яйцо которой мы нашли летом²⁵.

Важным элементом этого повествования о становлении «молодого охотника» стали рассказы о ружье. Николай Козаков получил возможность обзавестись личным оружием в пятнадцатилетнем возрасте. История его приобретения – покупка конфискованного в соседнем селе ружья через местных знакомых матери – выстраивается из небольших заметок. Постепенно серия заметок о ружье, практиках ухода за ним, использовании оружия на охоте сформировала нарратив об инициации, взрослении, превращении мальчугана, разоряющего

²³ Дневник Н. Козакова. Тетрадь № 5. Запись от 27 июля 1947 г. (Электронная копия). URL: <https://corpus.prozhito.org/person/257/1> (дата обращения: 20.07.2023).

²⁴ Пузанов Иван Иванович (1885–1971). Русский и советский зоолог и зоогеограф. Профессор, доктор биологических наук (1938). В 1934–1947 гг. – профессор Горьковского университета. С 1947 г. заведовал кафедрой зоологии позвоночных Одесского университета. Скорее всего, Н. Козаков написал письмо, так как был вдохновлен его книжкой: *Пузанов И.И., Кипарисов Г.П., Козлов В.И.* Звери, птицы, гады и рыбы Горьковской области. Горький: Горьковское областное издательство, 1942. 452 с.

²⁵ Дневник Н. Козакова. Тетрадь № 19. Запись от 26 января 1949 г. (Электронная копия). URL: <https://corpus.prozhito.org/person/257/1> (дата обращения: 20.07.2023).

гнезда, в охотника-исследователя, занимающегося снабжением семьи продуктами важного промысла и собирающего ценную информацию о природной среде.

Ружье стало символом обретения взрослости. Оно открыло перед Николаем Козаковым возможности коммуникации с сельскими охотниками в качестве равноправного члена сельской общины. Молодой парень с гордостью рассказывал в дневнике о том, как зарегистрировал оружие, в 1948 г. вступил в общество охотников и получил членский билет, стал платить взносы. Члены общества имели право покупать легально и по официальной цене снаряжение для охоты. Рассказ о том, как его не пустили в Сберкасса с ружьем, пафосно предьявлял читателю общественное признание в нем представителя нового сообщества. Оружие на страницах дневника становится признаком взрослого мужика, статусным символом состоявшегося в жизни мужчины. И хотя автор не категоризировал этот статус в гендерной транскрипции, но его тексты об оружии выстраивались в стилистике рассказа о мужском сообществе.

Оружие, многословные зарисовки природы и приключенческие рассказы о случаях на охоте образовали сложный, временами эклектичный текст, при помощи которого автор дневника показал себя в качестве самостоятельного субъекта. Обретенная им самость, идентичность оказались сильнее, чем предполагало семейное воспитание, культурная традиция, направленная на воспроизводство городских траекторий успеха. Попробовав жить в городских условиях, Николай Козаков ощутил себя пришельцем из другого мира. Дискомфорт, который он ощутил, оказался настолько силен, что он не смог продолжать учебу и, проучившись менее года, бросил Горьковский университет, путь к профессии биолога-ученого, о которой столько времени мечтал.

Литературные опыты, записи, которые он оставил в дневнике, ускорили социальное взросление Николая Козакова. Вчитываясь в тексты о самом себе, он получал возможность увидеть себя главным героем повествования и обрести дополнительную уверенность в правильности собственных действий и поступков.

Конфликт обретенной социальной идентичности «подростка-охотника», расхождение его ожиданий от города и реальности городской жизни отразили специфику послевоенного времени. Советский подросток, опираясь на литературную и семейную традицию, конструировал воображаемый социальный порядок и жизненные перспективы в оптимистичных для себя ракурсах. Он находил подтверждение собственным притязаниям в вольностях повседневного существования в школе и деревне. Гибкость социальных границ сельской среды, когда приобретение ружья пятнадцатилетним парнем воспринималось нормой и неформально санкционировалось представителями

местной власти (ружье было куплено у милиционера) побуждала к дальнейшей активности. Особенности личной судьбы Николая Козакова, его городское прошлое и мать-учительница стали триггерами для расширения культурного пространства подростковой активности, смешения в нем элементов различных культурных форм, реализации стратегий, опирающихся на социальные ресурсы, которые были недоступны его сверстникам. Социальный эксперимент, который Н. Козаков попытался реализовать в юные годы, завершился неудачей. Он не смог адаптировать обретенный культурный опыт к пространству с более высоким уровнем иерархичности, социальной дисциплины и отчужденности индивидов друг от друга.

В изученных материалах личных дневников молодого сельского парня наибольшую ценность для историка представляет возможность увидеть конкретные механизмы работы социального воображения в послевоенном обществе, детально рассмотреть стратегии самоидентификации, зафиксировать символические ресурсы, которые использовались подростком, решавшим задачи подготовки к самостоятельной жизни в обществе.

Семейная традиция, преимущественно базирующаяся на устных преданиях, литературные образы и эталоны вкупе со школьными практиками взаимодействия со сверстниками и учителями создавали агломерацию социального пространства, в котором молодые люди сталинской эпохи искали ответы на вопросы о себе, об окружающем мире и осознавали собственные социальные притязания. Реальное окружение, ритмы и правила функционирования сообществ, в данном случае – деревенского, сельского уклада жизни, помещали эти воображаемые устремления в институализированную среду, фиксируя нормы и практики поведения в качестве реальных социальных стратегий поведения в публичном пространстве. «Социальное время отражает изменения, движение социальных феноменов в терминах других социальных феноменов, принятых за референтные точки», – утверждали П. Сорокин и Р. Мертон²⁶. Николай Козаков в своем дневнике с точки зрения подростка в деталях отразил интересные и важные характеристики сельской жизни, повседневный пласт деревенской культуры в послевоенные годы.

В 1953 г. наш герой ощутил сильнейший культурный шок, который, судя по дневниковым записям, оказался даже сильнее, чем столкновение с реальной городской культурой, когда он попробовал самореализоваться через социальный лифт, представляющий собой институт высшего образования.

²⁶ Сорокин П.А., Мертон Р.К. Социальное время: опыт методологического и функционального анализа. С. 114.

Смерть И.В. Сталина в марте 1953 г. потрясла молодого Николая Козакова. Для него «смерть вождя» стала крахом устремлений и ожиданий:

Был траурный митинг. Но я просто не могу себе представить – неужели это случилось? Неужели его нет больше? Пишу, читаю в газете, вижу траурные знамена, но – не могу представить себе, что это действительно случилось, эта непоправимая катастрофа. Не верится! Сталин – умер... В моем мозгу это не укладывается. Я плакал сегодня на митинге. Как это могло случиться?²⁷

В данных строках четко отражается то, каким образом социальное воображение обеспечивает связь индивида с другими членами общества, одновременно согласовывая его субъектность с институциональным порядком коллективной жизни людей.

Отчисление из Горьковского университета, а затем и из московского института, не означало изменения социальной реальности как таковой. Николай Козаков вернулся в Кадмицы и продолжил привычную жизнь среди знакомых и понятных людей, в обществе, где его знали и понимали. «Смерть вождя» поставила под сомнение обретенные им социальные навыки, сделала социальное будущее неопределенным, разрушила краеугольный фундамент, на который опиралось его социальное воображение. Он надолго прервал ведение дневника.

Новую реальность пришлось осваивать по иным правилам. Дневниковые записи второй половины 1950-х гг. и более позднего периода демонстрируют рост прагматизма в социальной жизни нашего героя. Ресурсы социального мышления и творческий потенциал, которые он использовал в послевоенные годы, оказались мало востребованы обществом.

Личная жизнь не сложилась. Он женился, затем развелся, оставив жену с малолетним ребенком. Начал пить. Сошелся с другой женщиной, но употребление спиртного стало частью семейной культуры. О чувствах и романтике отношений с женщинами в личном дневнике он уже более не вспоминал. Карьера также не состоялась. Он стал мотористом, потом шофером. С усилием, с третьей попытки сумел получить диплом о высшем образовании, который, впрочем, больших выгод нашему герою не принес.

Его подростковая влюбленность в природу и лес не получила социальной поддержки в эпоху, когда совхозы стали синонимом очередного этапа советизации деревни. Хрущевская деревня постепенно сближалась с городом. Институциональная среда сельской жизни утрачивала прежние вольности, которые позволяли в послевоенные годы мальчику-подростку обзавестись

²⁷ Дневник Н. Козакова. Тетрадь № 41. Запись от 5 марта 1953 г. (Электронная копия). URL: <https://corpus.prozhito.org/person/257/1> (дата обращения: 20.07.2023).

ружьем и беспрепятственно ходить с ним по деревенским улицам и лесным тропам. Время деревенских свобод уходило. Новый мир оказался чужероден для Николая, а потому критиковался на страницах дневника. Там же осуждалась и советская власть, которая испортила мир пасторальной сельской культуры, описанной в так называемых «охотничьих рассказах» Н. Козакова.

Заключение

Подведем итоги. Советский школьник Николай Козаков оказался в сложной ситуации. После десяти лет жизни в большом городе он столкнулся с сельским обществом и был вынужден осваивать новый тип коллективных представлений об окружающем мире. Его взросление и осознание себя в новом жизненном пространстве происходило в послевоенные годы. Деревенская жизнь и заработок матери частично смягчили проблемы продуктового дефицита. Вовлеченный в повседневность сельского быта, он освоил новые социальные паттерны поведения, предполагавшие ежедневный уход за курами, козой, поросенком, посадку, окучивание и копку картофеля, а также собирательство и охоту в окрестном лесу. Навыки городской культуры, сохранившейся в семье учительницы немецкого языка, способствовали его увлечению книгами и, в конечном счете, подвигли подростка попробовать себя в качестве писателя, создавая рассказы о природе в личном дневнике.

Выстраивая рисунок поведения по образцам сельской жизни и одновременно ориентируясь на ценности городской культурной традиции, Николай Козаков сконструировал для себя особый агрегатный социальный мир. Охота и природа занимали в его повседневности привилегированное место. Сельские свободы открыли перед ним возможности рано приобщиться к сообществу взрослых мужчин. Они «нарисовали» сетку координат для поведенческих моделей и связанных с ними представлений о будущем. Литература, в свою очередь, стимулировала работу социального воображения школьника. Ведение дневника компенсировало ограниченность социального общения с менее начитанными и образованными сверстниками. Создавая нарратив о покорении природы юношей-охотником, Николай Козаков в литературной форме объединял воображаемое и реальное пространство вокруг себя.

Он поместил себя и собственные поступки в центр сочиненного социального мира, где фантазии были перемешаны с реальным опытом. На этой зыбкой основе Николай Козаков придумал проект будущей карьеры в дальнейшей жизни. Уже в школе он вообразил себя самостоятельным исследователем природы, способным войти в круг дипломированных ученых. Дальнейшие его планы предусматривали университетское образование по профилю биологии. Опыт приобщения к сообществу мужчин-охотников, походы в лес с

собственным ружьем в 15-летнем возрасте вселяли в него оптимизм и уверенность в возможности реализации подобного проекта будущего.

Столкновение Николая Козакова с реальностью, представленной иерархичной и регламентированной университетской средой, требовательной к соблюдению формализованных обезличенных норм и правил, привели молодого человека к серьезному внутреннему конфликту. Представления подростка об университете и успешной карьере не оправдались. Он ощутил собственную беспомощность в городе и бежал от нее обратно в деревню.

Мир воображения советского подростка проиграл социальной реальности. В процессе социализации Николай Козаков выстроил собственную Я-идентичность из подручного культурного материала: идеологии, литературных традиций, собственных практик и семейных норм. Советский университет 1950-х гг. не принял индивидуальность нашего героя и тем самым разрушил его иллюзии о науке, о вузовском сообществе, о собственном месте в нем. Идентичность романтически настроенного юноши-охотника не соответствовала формату высших образовательных учреждений СССР, воспринимавшихся Козаковым в качестве социального лифта. Вузы готовили не естествоиспытателей, не землепроходцев, не последователей Альфреда Брема, а исключительно кадры для социалистического сельского хозяйства. Для Николая Козакова данный конфликт обернулся крахом жизненных устремлений, стал причиной существенных сложностей в карьере и личной жизни. Жизнь «маленького охотника» сложилась совсем не так, как он мечтал в послевоенные годы, описывая собственный охотничий опыт и наблюдения за лесом в школьных тетрадках, приспособленных для дневника.

Introduction

In 2016, art photographer and artist Kirill Glushchenko published separate book containing excerpts from the diary for 1962 of Nikolai Kozakov, a rural driver and mechanic.¹ The web-site “PROZHITO” published excerpts from Nikolai Kozakov’s diary for 1948–49.²

The author of the diary was born in 1932. Until the age of 10 he lived in Leningrad, and in 1942 he was evacuated to the town of Sergach in Gorky Oblast together with his mother. The first diary entries were made in 1945, the last ones are dated 1997. Nikolai Kozakov’s mother taught German at a village school; there is no information about his father.

The publication attracted the attention of historians. Ya. Golubinov’s review of the book, among other things, notes:

For the artist Kirill Glushchenko, the perfect way to show this mixture of the typical and the extraordinary in the late socialist era in the USSR was to turn to the diary entries and photographs made by Nizhny Novgorod resident Nikolai Kozakov (1932–2005). . . For the artist, [Nikolai Kozakov] became a spokesman for the destinies of those people who live in unremarkable five-storey buildings, which, however, can be seen as “a multitude of tightly pressed destinies” rather than houses.³

The diaries of the rural mechanic became the subject of an open discussion with the participation of philosophers and theatre and film critics (V. Lyashchenko, P. Rudnev, and O. Shentorovich).⁴ The participants in the discussion tried to find the place for the story of the “little man” in the great literary and artistic tradition. In the course of the discussion, Nikolai Kozakov was symbolically endowed with a special status. He became the personification of the “silent majority” of the Soviet era, and his personal diary turned into a political tribune from which we can hear the speech of a citizen who could hardly speak out publicly in the totalitarian state. However, the discussion of his diaries did not go beyond the notebooks of 1962. The diaries of other years had not been published by then.

It should be noted that, contrary to the opinion of Ya. Golubinov, the author of the diaries did not live in “unremarkable five-storey buildings.” In the post-war years he

¹ N.N. Kozakov, *Diary. 1962* [in Russian] (Moscow: Glushchenkoizdat, 2016).

² “Kozakov Nikolai Nikolaevich” [in Russian], Prozhito. Elektronnyi korpus dnevnikov i vospominanii, accessed July 20, 2023, <https://corpus.prozhito.org/person/257>

³ Ya.A. Golubinov, “N.N. Kozakov. Diary. 1962 (Moscow: Glushchenkoizdat, 2016)” [in Russian], *AvtobiografiYa. Journal on Life Writing and the Representation of the Self in Russian Culture*, no. 7 (2018): 271–72.

⁴ “Diaries of N. Kozakov, 1962. An Open Talk” [in Russian], YouTube Channel “Dom kul'tury ‘GES-2’,” accessed July 20, 2023, <https://www.youtube.com/watch?v=UuvRHthQRk>

lived in the village, in a rustic log house. Nor did he belong to the silent majority of the Soviet time. The vast majority of Soviet people did not keep diaries in the late Stalinist era. Besides, it should be taken into account that a person who keeps a diary does not keep silent at all but speaks out, which to a certain extent reflected his stand in life.

Thanks to the cooperation with M. Melnichenko's team,⁵ it became possible to get acquainted with the full text of Nikolai Kozakov's diaries and obtain their electronic copy, as the diary entries have not been published in full yet (they will be published in a separate book). Based on the daily entries of this rural young man, the task of the research was formulated: to reconstruct the lifeworld of the Soviet schoolboy between 1947 and 1952, to discover its significant components, and to identify the connection between the "spirit of the epoch" and social expectations, imagination and value orientations in their individual refraction.

Main Body

Diaries belong to the group of sources of personal origin. Not so long ago, a discussion about the theory and practice of using ego-documents in historical research took place in Yekaterinburg at the Institute of History and Archaeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences.⁶ In a substantial polemic, historians and literary scholars demonstrated the commonality of methodological approach: sources of personal origin are of principal value for understanding the individual and collective space of life as well as the culture of everyday life. The organizers of the discussion summarized:

They [ego-documents] allow us to explain the nature of both differentiated and invariant visions of history as seen by different individuals and groups, and at the same time they capture the structuring function of self-descriptive practices, their ability to generate, preserve and modify particular social alliances.⁷

⁵ Mikhail Melnichenko, candidate of historical sciences, director of Prozhito: Center for the Study of Ego-Documents, the European University at St Petersburg.

⁶ For more details on the conference and the discussions, see Y.A. Golubinov, "The Conference 'Ego-Documents: Inter-Source Dialogues About Russia in the First Half of the 20th Century in the Historical and Literary Context' (September 14–17, 2021, Yekaterinburg)" [in Russian], *AvtobiografiYa. Journal on Life Writing and the Representation of the Self in Russian Culture*, no. 10 (2021): 503–06; A.N. Kabatskov, "The Scientific Conference 'Ego-Documents: Inter-Source Dialogues about Russia in the First Half of the 20th Century in the Historical Literary Context' (Yekaterinburg, September 14–17, 2021)" [in Russian], *Gumanitarnye nauki v Sibiri*, vol. 29, no. 3 (2022): 112–17.

⁷ M.A. Litovskaya, and N.V. Surzhikova, eds., *Ego-Documents: Russia of the First Half of the 20th Century in Inter-Source Dialogues* [in Russian] (Moscow; Yekaterinburg: Kabinetnyi uchenyi, 2021), 5.

For the historians of Soviet society, personal diaries have a special appeal. They contain valuable information about the cultural and social coordinates of understanding the historical epoch by its contemporaries, authors, and addressees of various ego-texts. When analyzing the war-time diaries, which date back to the period when radio and newspapers were filled with power propaganda, I. Savel'eva noted

. . .their pages hardly reflect the official “grand narrative” that was already being created during the war in print, film, and literature.⁸

Personal diaries preserve the information that historians seek for with great difficulty and often without any results in the official documents of party and Soviet bodies.

Personal diaries are multifaceted. What they preserve and bring to our days is more than the information about the personal private life of their authors. According to Yu. Zaretskii, researchers should consider an autobiographical text as a social action, a communicative act that conveys information about the social time when the narrative was created.⁹

Let us note here that the concept of social time was introduced into the system of humanitarian research by Pitirim Sorokin and Robert Merton. They wrote:

. . .social time, in contrast to the time of astronomy, is qualitative and not purely quantitative; that these qualities derive from the beliefs and customs common to the group and that they serve further to reveal the rhythms, pulsations, and beats of the societies in which they are found.¹⁰

Social theorists emphasized the collective character of time, its dependence on the specific historical circumstances of the existence of groups and communities. In fact, by means of the concept of social time, they sought to reconcile the group characteristics of behavioral culture and social imagination and forms of thinking that determine the everyday existence of social groups and communities.

⁸ I.M. Savel'eva, “Personal History vs Great Narrative in War-Time Diaries” [in Russian], in *Ego-Documents: Russia of the First Half of the 20th Century in Inter-Source Dialogues*, ed. M.A. Litovskaya, and N.V. Surzhikova (Moscow; Yekaterinburg: Kabinetnyi uchenyi, 2021), 29.

⁹ Yu.P. Zaretskii, “Ego-Documents of the Soviet Time (from Research Experience), or an Opening Address” [in Russian], in *Ego-Documents: Russia of the First Half of the 20th Century in Inter-Source Dialogues*, ed. M.A. Litovskaya, and N.V. Surzhikova (Moscow; Yekaterinburg: Kabinetnyi uchenyi, 2021), 24–25.

¹⁰ P.A. Sorokin, and R.K. Merton, “Social Time: A Methodological and Functional Analysis” [in Russian], *Sotsiologicheskie issledovaniya*, no. 6 (242) (2004): 116.

In addressing the category of social time, present-day historians solve similar problems. They place the analysis of the past into a system of socio-cultural coordinates authentic to the thinking and behavioral practices of people, groups, and communities, and seek to consider the phenomena of the past in the form and status conferred on them by their contemporaries. It is the ego-texts that can be of great assistance to historians in fulfilling these research tasks.

It is worth highlighting that the representativeness of information about culture, collective experience of living, and social practices about which personal diaries tell historians is assessed according to special rules. Quantitative parameters of describing the source base should give way to qualitative characteristics of specific ego-documents, which are often small in number. The work with diaries also requires special techniques of historians' work with the source text. In our case, we assume the use of Umberto Eco's methodology, oriented towards the reconstruction of what is the unspoken but meant. Invisible unarticulated elements of the narrative create a special layer of meanings in the text and influence the narrative as well as assessments and judgments of the author. They are part of the cultural experience that the diary author shares with his contemporaries. As a rule, the institutional factors and patterns of culture generally that are known to and obvious for communities and groups do not need any reflexive description.¹¹

The post-war diaries of Nikolai Kozakov are an interesting and valuable historical document. The entries cover a long period of time. Their author lived in a distant village. There are not many extant sources concerning the everyday life of the Soviet village that are free from the official political narrative of Soviet texts. N. Kozakov was well-read, able to write, well-educated and, which also played an important role, came from an urban environment. His initial socialization took place in Leningrad, "the cradle of the October Revolution," which obviously influences the schoolboy's narrative about the rural environment later. As for the rural environment, our hero did not belong there either by origin, or by his initial socialization, or by his family upbringing, or by the culture transmitted at home. The family of a teacher who was evacuated from a big city was different from the families of the fellow villagers, even after several years of living in this environment under war-time and post-war conditions. Going through the stages of adolescent socialization in a rural school and growing up in the village environment, N. Kozakov perceived the world around him in a more complex way than any other typical village teenager did.

¹¹ For more details on omissions and cultural topoi as elements of the diary text, see A.N. Kabatskov, "What the Diary of A.I. Dmitriev, a Worker of Plant no. 19, Is Silent About" [in Russian], in *Ego-Documents: Russia of the First Half of the 20th Century in Inter-Source Dialogues*, ed. M.A. Litovskaya, and N.V. Surzhikova (Moscow; Yekaterinburg: Kabinetnyi uchenyi, 2021), 309–32.

Elements of the rural lifestyle dominated Kozakov's whole life. He was obliged to do the routine work of caring for poultry and animals in the family household. The rhythm and character of his everyday practices were also determined by the rules of rural life:

Mother wanted to go to the children's center, but on the big road she met Burda who was going to harvest potatoes. So we had to go there too. My back was aching after yesterday's digging, and it was difficult for me to dig.¹²

N. Kozakov's stories about himself were dominated by the topics related to the forest, incidents in the village, and the routine of studying at village school. At the same time, the diary text reflected his constant development, improvement of self-description skills, construction of the special narrative about the adolescent "I" and its place in the village culture. Notebook entries became an obvious aid to the schoolboy who was trying to find his own place in the adults' rather than children's world.

It can be said that our hero was at the crossroads of several cultures – urban and rural as well as adolescent and adult, – which had an obvious impact on his writing. The adolescent narrative about playing with peers blends with the narrative about weapons and practices of assuming the role of a hunter – breadwinner in his family. The narrative about the demanding standardized world of school and preparation for exams is accompanied by revelations about the theft of ammunition from the military instructor's office. Historians should not blindly follow the course of the narrative. The mix of cultural orders, norms and rules, and social images that the young boy brought into his story reflected the mix of traditions and group cultures of which he was a bearer. External circumstances, such as the war and the prolonged restoration of the rhythms of peaceful existence in the post-war years, affected his socialization. The diary became an integral part of his growing up and social self-determination. The stories written down by the village schoolboy turned into texts about culture and social time, describing the construction of identity according to the patterns of socialist society and according to the attitudes and norms of collective life in the Soviet village.

Let us note that N. Kozakov started keeping a diary at middle school, actually just entering adolescence. His rather limited social experience at that time was compensated for by his social imagination and practices of imitation. He subordinated the written text to those forms of collective thinking that were available to him as an adolescent who perceived the world holistically and egocentrically within the boundaries of local variations of culture of the family, village, school.

¹² Diary of N. Kozakov, notebook no. 7, entry dated September 18, 1947 (electronic copy). Prozhito. Elektronnyi korpus dnevnikov i vospominanii, accessed July 20, 2023, <https://corpus.prozhito.org/person/257>

Kozakov did not write about the war. His texts paid little attention to the urgent problems of life under the conditions of post-war shortages of goods and food products. The domestic difficulties of existence in rural environment were also left out of the narrative.

Nikolai Kozakov never complained in his diary. In the teenager's environment, complaining meant showing weakness. He strove to appear independent, successful, and strong. He even avoided any mentioning of personal problems associated with stuttering, which evidently complicated his courtship of girls in high school. The topic of stuttering came up when he took the opportunity to undergo a course of treatment in a Moscow clinic:

I went to my polyclinic institution where I was to be treated for stuttering. Everything was already prepared there, and on Wednesday (i.e., on June 4) the treatment was to begin. . . I went to Moscow yesterday; they gave me a referral to the District Healthcare Department. I took it to my aunt, and they should now get me a voucher.¹³

Indeed, it is a wasted effort to tell in a teenage diary about the difficulties of the post-war period. Everyone knew everything about them. This information did not allow self-expression. Thus, other topics, less large-scale than the war and its consequences, became the priority.

In order to understand all these topics, it is necessary to reconstruct the coordinates of the cultures that N. Kozakov was the bearer of in the pages of his personal diary and to establish from which symbols, patterns, and models of behavior his autobiographical stories were created.

Urban cultural tradition formed the basis of our hero's socialization. However, in the diary entries written between 1947 and 1953, the topic of the city did not appear very often. In our opinion, there were actually not many reasons for tackling it. In the author's notes, the city looked like a confusing, dangerous and unappealing place where life constantly required expenses, money was always in short supply, people at the university and institute seemed unfriendly. Besides, there were many restrictions and conventions in public places, and the hierarchical and atomized character of the urban environment manifested itself in relations with other people. Nikolai Kozakov did not like city life. Nevertheless, in the pages of his diary, he demonstrated orientation towards the values and behavioral patterns typical of urban culture. The source of this orientation was a domestic, mostly oral, family tradition.

¹³ The entry was made a few days later post factum. Therefore, they are not consistent. Diary of N. Kozakov, notebook no. 36, entry dated June 6, 1952, accessed July 20, 2023, <https://corpus.prozhito.org/person/257>

The author of the diary did not write about the family history either, as it did not need any additional narration. The family history was known to the relatives, and the consequences of evacuation and the life of the German teacher and her son in the village were in a plain view of the village community. But the memory of the urban past, of the time before the evacuation, was preserved in the family. It was brought up to date by official radio reports, newspaper publications about Leningrad and the Siege that his hometown survived. The theme of Leningrad was a prominent subject of Soviet official discourse about the war. In our hero's diary, political messages from newspapers and radio were not usually reproduced.

Only in 1994 did Nikolai Kozakov mention his origin in the pages of his diary. Back then, he fought to obtain the official status of a resident of besieged Leningrad, which gave an increment to his pension,

I have finally started to work on the recognition of the status of a survivor of the Siege of Leningrad: I sent letters to the GAGO and the administration of the town of Pushkin.¹⁴ . . . Having collected the photocopies of the extant papers related to the Siege, the certificate issued by the GAGO that we were evacuated, and the petition from the Gorky Society of the Siege Survivors, I sent everything to Leningrad (St Petersburg). Let us wait.¹⁵

Three months later, in August, he summarized,

There were numerous scandals and disagreements, and in the end my pension was increased with a coefficient of 1.15, i.e., I got 60,18 roubles, plus an addition of 19,70, a total of 79,88 roubles.¹⁶

Family legends kept the memory of the urban past in their own way. The social imagination of our author during the years at rural school, his dreams of studying at university and obtaining a profession of biologist and a career, which he wrote about in his diary, looked typical for an urban teenager. His family cultivated and supported his motivation for self-realization through education and science-oriented profession.

The family's move to a new place was a kind of preparatory stage before university. It is difficult to say what circumstances forced Nikolai and his mother to change their place of residence. In 1948–49, there were several entries in his diary mentioning that the relations with the owners of their village house had become

¹⁴ Diary of N. Kozakov, notebook no. 41, entry dated June 4, 1994 (electronic copy), accessed July 20, 2023, <https://corpus.prozhito.org/person/257>

¹⁵ Diary of N. Kozakov, notebook no. 41, entry dated July 21, 1994 (electronic copy), accessed July 20, 2023, <https://corpus.prozhito.org/person/257>

¹⁶ Diary of N. Kozakov, notebook no. 41, entry dated August 8, 1994 (electronic copy), accessed July 20, 2023, <https://corpus.prozhito.org/person/257>

complicated. It is quite appropriate to assume that the move was a family decision, made primarily in the interests of Nikolai's personal future. The notebook with the entries about the move itself has not survived.

The new place of residence, the village of Kadmitsy, was located on the banks of the Volga River. The village was large, with its own pier. There was regular river communication, which made trips to the city of Gorky possible. And in the future, student Kozakov would have an opportunity to come to his mother in the village for groceries. The choice of the new place of residence and work was made with rationality and calculation of an experienced adult: there was a shortage of teachers in rural schools, so the mother of our hero had no difficulties with her employment. Moreover, in the new village, she was immediately provided with a separate house to live in.

For Nikolai himself, the move was associated with serious adaptation to the changed living conditions, to the new school community, new peers, and new unfamiliar teachers. Additional difficulties were brought by the first romantic infatuation with his female classmate Zhenya. However, in spite of everything, the main goal of young Kozakov was to get good grades in exams and be awarded a medal because the students who finished school with a medal were enrolled in universities without exams.

The diary sensitively recorded changes in the author's social motivations. Records about his classmates, school situations and collisions with new teachers became the main themes of his autobiographical stories in 1950–51. In his senior year, he became more aware of his own social status as a schoolboy on the threshold of adulthood. Studying at university was perceived by him as a ticket to the great independent life and became a priority for high school pupil N. Kozakov. For the sake of achieving his goal, he was more diligent in his lessons, paid attention to academic tasks, carefully prepared for exams. A short pause in his busy studies, connected with a trip to Gorky with his mother, felt like a great holiday:

After the cinema we went “home.” Mother brought tea and gingerbread from the cupboard. We had tea. Then I wrote down my observations for the day. It is so good to sit here without being dependent on all kinds of blood-suckers! I don't need to wake up at 7 o'clock and pore over my books tomorrow!¹⁷

The desire for new status also manifested itself in the adoption of new cultural norms. The young man he had become had to look after himself. Thus, new entries appeared in his diary that demonstrated Nikolai's concern for his appearance:

¹⁷ Diary of N. Kozakov, notebook no. 26, entry dated of March 8, 1950 (electronic copy), accessed July 20, 2023, <https://corpus.prozhito.org/person/257>

I sat on the porch at the hairdresser's and waited. I had been sitting there for a long time, when finally one of the hairdressers came. He gave me a haircut and cut my hair so short that now it is upright instead of sticking up. I paid two and a half roubles and went home.¹⁸

His free time practices also changed. Going to the cinema, meetings friends, dancing to the gramophone – all this determined the new style of behavior of the author of the diary. N. Kozakov tried to emphasize his own education and readiness for university in every possible way. He did not even mind showing off in front of his comrades about his diary-keeping skills:

Of all the guys here in Kadnitsy, I more or less like only Vovka Vlasov and him, Yurka. And I have only recently got to know him. But I liked him. Though, of course, he is a bit of a swearer. But that's typical of all country boys. Ivan was the same, and I was very friendly with him. One thing doesn't interfere with the other. Yurka is very simple and cheerful as, probably, all the members of this kind family are. After talking to Yurka, I went home. Soon afterwards the older boys came. We sat there till dark, and then I lit the lamp. I let Vovka read my diary.¹⁹

In such notes, one can recognize additional meanings that the author did not pronounce: the villagers constantly swear, are rude, and generally do not understand how to behave in a public place. Nikolai believed that he was different from them because he understood and accepted the norms of cultured urban life. In the pages of his diary, he saw himself as an already established university student.

Creating his own image of a student, and thus a city boy, he imitated the heroes of Soviet television and literature: he smoked cigarettes, philosophized, courted girls, and tried to write poetry. In the pages of his diary, one could see the image of an educated, successful, cultured young man, a representative of Soviet youth, who understands what he wants from life, and is convinced of his good prospects in the future. N. Kozakov's self-perception in 1950 was full of arrogance and self-satisfaction. He saw his own status so high that he even began to allow himself to evaluate his teachers. Being in conflict with a teacher, Nikolai accompanied his diary entries about her with unflattering judgments and characterizations.

However, as the school teacher's son, Nikolai had no fear of the school administration. His mother's status protected him. Having been once caught stealing

¹⁸ Diary of N. Kozakov, notebook no. 27, entry dated of April 1, 1950 (electronic copy), accessed July 20, 2023, <https://corpus.prozhito.org/person/257>

¹⁹ Diary of N. Kozakov, notebook no. 27, entry dated April 3, 1950 (electronic copy), accessed July 20, 2023, <https://corpus.prozhito.org/person/257>

ammunition from the military instructor's office, Nikolai did not face any noticeable sanctions and consequences of the act. It ended with his mother paying the cost of the ammunition and the case of the theft did not develop any further. Typical school mischiefs, such as using cheat sheets and simple cheating, were not even considered by him from the point of view of risk. They are described in the diary as common practices among the pupils.

Nikolai Kozakov successfully finished school, passed his exams, and received a silver medal. He entered the Biology Department of Gorky State University. Nevertheless, he could not study in the city. The rules of city life, the demanding nature of university teachers, and their unwillingness to turn a blind eye to any violation of academic routine became too complex a social challenge for him. It turned out that he was not ready for such life; he was not ready for the independence and responsibility that urban communities and institutions implied. In the city, he continued to be a rural boy, unable to adapt to the atomized, dynamic, and demanding social environment.

N. Kozakov's rural socialization and the changes that happened to him under the influence of the village culture turned out to be deeper and stronger than it could be assumed on the basis of his self-description and self-assessment. His identity was altered by a range of rural socialization factors. His personal diaries, in which he recorded his memories of being a teenage hunter in the famine conditions of the post-war period, allow us to explore his adoption of the norms and rules of rural culture between 1947 and 1949.

The key theme of his first lengthy teenage stories about himself was the topic of hunting, gathering, and nature. Nikolai Kozakov loved to read very much. Therefore, literature became a source of inspiration and imitation for him. On the pages of his diary, he created his own version of.

In the original *A Sportsman's Sketches* in the 19th century, young Ivan Turgenev opened the world of rural life to the urban readership, thus telling them about the people of rural background. The Russian classic endowed his heroes with lively characters that manifested themselves through various actions and deeds. A century later, N. Kozakov created his own version of the narrative about the countryside, nature, and hunting, but there are practically no people in his stories.

The center of N. Kozakov's narrative is his own personality. The author's descriptions of rural life are rather limited and contain no social portraits of his fellow villagers. The narrative is about himself and his own experience. From the diary of the young hunter one can learn how he tracked a sandpiper or a grouse, how he successfully caught a hare in winter, or why the ruffs spoiled fishing.

For Kozakov, the reality of nature assumes no other subjects than the hunter himself, and therefore it is the hunter who is the main character of his autobiographical narrative. Some episodes and stories from Kozakov's diary remind

in some respects of Konstantin Paustovsky's novels. Other stories reproduce the plot of an adventure novel, where the hero faces unforeseen circumstances but necessarily achieves his goal and succeeds in the end. Nikolai Kozakov's "hunter's sketches" are a story about an urban teenager who tried to find his subjectivity in a rural environment and succeeded in that.

Indicative is the hero's fascination with books about nature and animals by Alfred Brehm. They made a huge impression on him. N. Kozakov immediately decided to follow the literary model. He started with something small – gathered a collection and created a detailed description of bird eggs:

. . . Tomorrow, I want to make a list of available eggs in colors, and maybe make a new lid for the box.²⁰

Further, imitating Brehm, Nikolai developed a special method of systematic description of local birds. He started to create a catalogue of the local fauna. In order to make a real collection of birds, he learnt taxidermy:

It took us about 4.5 hours to skin the hawk. He was terribly emaciated, his keel was protruding and bare, but it was easy to remove if it wasn't for his very long thighs and shanks. One thing that spoilt everything was the blood-soaked feathers of his wounded neck.²¹

He described in detail unique specimens of birds,

Bron[islava] Kaz[imirovna] has a grosbeak, which is quite a rare bird here, and is still a flightless baby bird. It is quite well fledged but does not fly well yet. They feed it with sunflower seeds, which it eats with the greatest pleasure. It is quite beautiful: yellowish-brown above, light grey below; the wings and the end of the tail are blue-black, and the base of the tail and the speculum feathers on the wings are bright white. The huge beak as well as the legs armed with tenacious claws are pinkish in color, while the small eyes are brown.²²

In the pages of his personal diary, our hero bragged about his success in hunting and in exploring local birds.

²⁰ Diary of N. Kozakov, notebook no. 3, entry dated April 28, 1947 (electronic copy), accessed July 20, 2023, <https://corpus.prozhito.org/person/257>

²¹ Diary of N. Kozakov, notebook no. 17, entry dated September 26, 1948 (electronic copy), accessed July 20, 2023, <https://corpus.prozhito.org/person/257>

²² Diary of N. Kozakov, notebook no. 17, entry dated September 26, 1948 (electronic copy), accessed July 20, 2023, <https://corpus.prozhito.org/person/257>

Nikolai Kozakov was quite responsible in his self-accepted role as an amateur zoologist. He kept a kestrel (a local hawk) at home. He brought home a wounded magpie and treated it. He made a special cage for keeping birds and had a special notebook where he meticulously recorded information about his observations.

All these things made him different from the adult village hunters he could observe when he visited his friends:

I went into their house. The wings of a magpie and a kestrel were hanging on the door of the hay storeroom in a very beautiful combination. There were many skins in the entryway, a mole skin drying on the porch spread on a board, and all sorts of nets and slings. From this fact I conclude that Faika's father was probably a hunter.²³

Any village hunter regarded birds and animals exclusively as game. For them, they were a source of nourishment, exchange, or sale. Nikolai Kozakov pursued other goals. He sought to act as a scientist. Having accumulated information, he tried to establish contact with Professor I. Puzanov,²⁴ a famous zoologist, and share with him the information he had obtained:

When I got home, I started a letter to Prof[essor] Puzanov about the fork-tailed gull whose egg we found in the summer.²⁵

Stories about the gun make an important element of this narrative about personal development of the young hunter. Nikolai Kozakov had the opportunity to obtain a personal weapon at the age of fifteen. The story of its acquisition – the purchase of a confiscated shotgun in a neighboring village through his mother's local acquaintances – is built up from smaller notes. Gradually, a series of notes about the gun, its maintenance, and use in hunting formed a narrative of initiation, development, and transformation of the boy who used to destroy birds' nests into the hunter and researcher who supplied his family with food and gathered valuable information about the natural environment.

²³ Diary of N. Kozakov, notebook no. 5, entry dated July 27, 1947 (electronic copy), accessed July 20, 2023, <https://corpus.prozhito.org/person/257>

²⁴ Ivan I. Puzanov (1885–1971), a Russian and Soviet zoologist and zoogeographer, Professor, Doctor of Biological Sciences (1938), Professor at Gorky State University in 1934–1947. In 1947, he headed the Department of Vertebrate Zoology at Odessa State University. Most likely, N. Kozakov wrote the letter because he was inspired by his book (I.I. Puzanov, G.P. Kiparisov, and V.I. Kozlov, *Beasts, Birds, Reptiles and Fish of the Gorky Region* [in Russian] (Gorky: Gor'kovskoe oblastnoe izdatel'stvo, 1942)).

²⁵ Diary of N. Kozakov, notebook no. 19, entry dated January 26, 1949 (electronic copy), accessed July 20, 2023, <https://corpus.prozhito.org/person/257>

This gun became a symbol of reaching adulthood. For Nikolai Kozakov, it opened up opportunities to communicate with rural hunters as an equal member of the rural community. The young man proudly wrote in his diary about how he registered his gun. In 1948, he joined the hunters' society, received a membership card, and started to pay membership fees. All members of the society had the right to buy hunting equipment legally and at the official price. The story of how he was not allowed to enter the Savings Bank with a gun was pretentiously presented to the reader as the public recognition of our hero as a representative of the new community. In the pages of the diary, the gun becomes a sign of a grown-up person, a status symbol of a man who is well-established in life. Although the author did not categorize this status in gender transcription, his texts about guns were constructed in the style of a story about the male community.

The texts about weapons, wordy sketches of nature, and adventurous accounts of hunting incidents formed a complex and at times eclectic text through which the author of the diary showed himself as an autonomous independent subject. His selfhood and identity turned out to be stronger than it had been previously suggested by his family upbringing and the cultural tradition of reproducing urban trajectories of success. Trying to live in urban conditions, N. Kozakov felt like an alien from another world. The discomfort he felt was so strong that he was unable to continue his studies, and after less than a year he left Gorky State University and abandoned the path to become a biologist, a profession he had dreamed of for such a long period of time.

Literary sketches and notes in the diary accelerated Nikolai Kozakov's social development. By reading the texts about himself, he was able to see himself as the main character of the narrative and gain additional confidence in the correctness of his own actions and deeds.

The conflict of the social identity acquired by the "teenage hunter," the discrepancy between his expectations of the city and the reality of urban life reflected the specifics of the post-war period. Relying on literary and family tradition, the Soviet teenager constructed an imagined social order and life prospects from an optimistic perspective. He found confirmation of his own claims in the liberties of everyday existence at school and in the village. The flexibility of the social boundaries of the rural environment, when the purchase of a gun by a fifteen-year-old boy was perceived as a norm and was informally sanctioned by the local authorities (the gun was bought from a policeman), encouraged his further activity. The peculiarities of N. Kozakov's personal destiny, his urban past, and his mother working as a teacher became triggers for expanding the cultural space of adolescent activity, blending the elements of different cultural forms, and implementing the strategies that relied on the social resources that were not available to his peers. The social experiment that Nikolai Kozakov tried to realize in his teenage years ended in

failure. He was unable to adapt his cultural experience to a space with a higher level of hierarchy, alienation of individuals from each other, and social discipline.

In the texts of personal diaries of the young rural boy, the greatest value for historians is the opportunity to see the specific mechanisms of the work of social imagination in Soviet post-war society, to examine in detail the strategies of self-identification, and to record the symbolic resources that were used by the adolescent while solving the tasks of preparation for independent life in society.

Family tradition, predominantly based on oral stories, literary images and standards together with school practices of interaction with peers and teachers, created an accumulation of social space in which young people of the Stalinist era sought answers to their questions about themselves and the world around them and realized their own social aspirations. The real environment, rhythms and rules of functioning communities (the village in this case), and rural way of life placed these imagined aspirations in an institutionalized environment, fixing norms and practices of behavior as real social strategies of conduct in public space. “Social time expresses the change or movement of social phenomena in terms of other social phenomena taken as points of reference,” wrote P. Sorokin and R. Merton.²⁶ In his diary, Nikolai Kozakov reflected in detail interesting and important characteristics of rural life and the everyday activities of village culture in the post-war years from the point of view of a teenager.

In 1953, our hero felt the strongest cultural shock, which, judging by his diary entries, was even stronger than the collision with the real urban culture when he tried to self-actualize through the social elevator represented by the institution of higher education. Stalin’s death in March 1953 shocked young Nikolai Kozakov. For him, the “death of the leader” was the total collapse of all aspirations and expectations,

There was a mourning rally. But I just cannot imagine – Did it really happen? Is he really gone? I write about it, I read about it in the newspapers, I see mourning banners, but I cannot imagine that this happened for real, for this is an irreparable catastrophe. I cannot believe it! Stalin is dead... It does not fit in my brain. I cried today at the rally. How could this even happen?²⁷

These lines clearly reflect the ways in which the social imagination provided the connection of a certain individual to other members of society, while aligning their subjectivity with the institutional order of people’s collective lives at the same time.

Dropping out from Gorky State University and then from a Moscow institute did not mean a change in social reality as such. N. Kozakov returned to Kadmitsy and

²⁶ Sorokin, and Merton, “Social Time,” 114.

²⁷ “Diary of N. Kozakov, notebook no. 41, entry dated March 5, 1953 (electronic copy), accessed July 20, 2023, <https://corpus.prozhito.org/person/257>

continued his usual life among familiar people who were easy to understand in the society where he was also known and understood. “The death of the leader” questioned the social skills he had acquired, made his social future uncertain, and destroyed the cornerstone upon which his social imagination rested. There were no diary entries for a long time.

The new reality had to be mastered according to different rules. The diary entries of the second half of the 1950s and later demonstrate the growth of pragmatism in the social life of our hero. The resources of social thinking and creative potential that he used in the post-war years turned out to be in little demand in society.

His personal life was not successful as well. He got married and then divorced, leaving his wife with a young child. He started drinking. He got together with another woman but drinking became part of the family culture. His feelings and romance with women were no longer mentioned in his diary. His career also failed. He became a mechanic, then a driver. With great effort, at the third attempt, our hero managed to get a diploma of higher education, which, however, did not bring great benefits to him.

His adolescent love of nature and woods was not socially supported in the era when state farms became synonymous with the next stage of Sovietization of the countryside. Khrushchev’s village was gradually coming closer to the city. The institutional environment of rural life was losing the former freedoms that had allowed a teenage boy to acquire a gun and walk unrestrictedly through village streets and forest trails in the post-war years. The time of village freedoms was coming to an end. The new world was alien to Nikolai, and therefore often criticized in the pages of his diary. N. Kozakov also condemned the Soviet regime, which spoilt the world of bucolic culture described by him in his “hunter’s skeyches.”

Conclusion

Let us draw some conclusions. Nikolai Kozakov, an ordinary Soviet schoolboy, found himself in a difficult situation. After ten years of life in the big city, he was confronted with rural society and had to master a new type of collective perceptions of the world around him. His growing up and subsequent self-realization in the new life space took place in the post-war years. The village life and his mother’s salary partially alleviated the problems of food shortages. Involved in the everyday activities of rural life, he learned new social patterns of behavior, which involved the daily care of chickens, goats and pigs, planting, cultivating and digging potatoes, and gathering and hunting in the nearby forest. The urban cultural skills that were preserved in the family of a German teacher contributed to his fascination with books and eventually encouraged the teenager to try his hand at writing stories about nature in his personal diary.

Developing a pattern of behavior based on the patterns of rural life and at the same time oriented towards the values of urban cultural tradition, N. Kozakov constructed for himself a special combined social world. Hunting and nature occupied a privileged place in his everyday life. Rural freedoms opened up opportunities to join the community of adult men early in life. They “drew” a grid of coordinates for behavioral patterns and related ideas about the future. Literature, in turn, stimulated the schoolboy’s social imagination. Keeping a diary compensated for limited social interaction with less well-read and educated peers. By creating a narrative about the young man’s conquest of nature by hunting, Nikolai Kozakov united the imaginary and real space around him in a literary form.

He placed himself and his own actions in the center of social world, where fantasies were mixed with real life experience. On this shaky basis, N. Kozakov came up with a project for his future career. Already at school he imagined himself to be an independent researcher of nature, capable of entering the circle of certified scientists. His further plans envisaged the university education in the field of biology. The experience of joining the community of male hunters, hiking in the woods with his own gun at the age of 15, gave him optimism and confidence in the possibility of fulfilling such a project in the future.

Nikolai Kozakov’s encounter with the reality that was represented by the hierarchical and regulated university environment, demanding compliance with formalized impersonal norms and rules, led the young man to a serious internal conflict. His ideas about studying at a university and a future successful career could not be fulfilled. He felt his own helplessness in the city and fled from it back to the village.

Thus, the imaginary world of the ordinary Soviet teenager lost to social reality. In the process of socialization, N. Kozakov built his own self-identity from the available cultural material: ideology, literary traditions, his own practices, and family norms. The Soviet university of the 1950s did not accept our hero’s individuality and thus shattered his illusions about science, university community, and his own place in it. The identity of the romantic young hunter did not correspond to the format of the USSR’s higher educational institutions, which were perceived by Kozakov as a social elevator. The universities prepared personnel for socialist agriculture rather than naturalists, explorers, or followers of Alfred Brehm. For Nikolai Kozakov, this conflict turned into a collapse of his life aspirations and caused significant difficulties in his career and personal life. The life of the “little hunter” did not turn out the way he had dreamed of in the post-war years, describing his own hunting experience and observations of the forest in school notebooks adapted for his personal diary.

Список литературы

Голубинов Я.А. Конференция «Эго-документы: межисточниковые диалоги о России первой половины XX века в историко-литературном контексте», 14–17 сентября 2021 г., Екатеринбург // *AvtobiografiЯ. Journal on Life Writing and the Representation of the Self in Russian Culture*. 2021. № 10. С. 503–506.

Голубинов Я.А. Н.Н. Козаков. Дневник. 1962. Москва, Глушенкоиздат, 2016 // *AvtobiografiЯ. Journal on Life Writing and the Representation of the Self in Russian Culture*. 2018. № 7. С. 271–276.

Дневники Н. Козакова, 1962 г. Открытый разговор // YouTube-Канал «Дом культуры «ГЭС-2». URL: <https://www.youtube.com/watch?v=UuvRHthQRk> (дата обращения: 20.07.2023).

Зарецкий Ю.П. Эго-документы советского времени (из исследовательского опыта), или Вступительное слово // *Эго-документы: Россия первой половины XX века в межисточниковых диалогах* / под редакцией М.А. Литовской, Н.В. Суржиковой. Москва; Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2021. С. 6–28.

Кобацков А.Н. Научная конференция «Эго-документы: межисточниковые диалоги о России первой половины XX века в историко-литературном контексте» (Екатеринбург, 14–17 сентября 2021 года) // *Гуманитарные науки в Сибири*. 2022. Т. 29, № 3. С. 112–117.

Кобацков А.Н. О чем молчит дневник рабочего завода № 19 А.И. Дмитриева // *Эго-документы: Россия первой половины XX века в межисточниковых диалогах* / под редакцией М.А. Литовской, Н.В. Суржиковой. Москва; Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2021. С. 309–332.

Савельева И.М. Личная история vs Великий нарратив в дневниках военного времени // *Эго-документы: Россия первой половины XX века в межисточниковых диалогах* / под редакцией М.А. Литовской, Н.В. Суржиковой. Москва; Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2021. С. 29–60.

Сорокин П.А., Мертон Р.К. Социальное время: опыт методологического и функционального анализа // *Социологические исследования*. 2004. № 6 (242). С. 112–119.

Эго-документы: Россия первой половины XX века в межисточниковых диалогах / под редакцией М.А. Литовской, Н.В. Суржиковой. Москва; Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2021. 408 с.

Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию / перевод с итальянского В.Г. Резник, А.Г. Погоняйло. Санкт-Петербург: Симпозиум, 2006. 544 с.

References

“Dnevniky N. Kozakova, 1962 g. Otkrytyi razgovor” [Diaries of N. Kozakov, 1962. An open talk]. YouTube Channel “Dom kul'tury ‘GES-2’.” Accessed July 20, 2023. <https://www.youtube.com/watch?v=UuvRHthQRk> (In Russian)

Eco, U. *Otsutstvuyushchaya struktura. Vvedenie v semiologiyu* [The absent structure. Introduction to semiotics], translated from Italian V.G. Reznik, and A.G. Pogonyailo. St Petersburg: Simpozium, 2006. (In Russian)

Golubinov Ya.A. “Konferentsiya ‘Ego-dokumenty: mezhistrochnikovye dialogi o Rossii pervoi poloviny XX veka v istoriko-literaturnom kontekste’”, 14–17 sentyabrya 2021 g., Ekaterinburg” [The conference “Ego-Documents: Inter-Source Dialogues About Russia in the

First Half of the 20th Century in the Historical and Literary Context” (September 14–17, 2021, Yekaterinburg). *AvtobiografiYa. Journal on Life Writing and the Representation of the Self in Russian Culture*, no. 10 (2021): 503–6. (In Russian)

Golubinov, Ya.A. “N.N. Kozakov Dnevnik. 1962, Moskva, Glushchenkoizdat, 2016” [N.N. Kozakov. Diary. 1962 (Moscow: Glushchenkoizdat, 2016)].” *AvtobiografiYa. Journal on Life Writing and the Representation of the Self in Russian Culture*, no. 7 (2018): 271–76. (In Russian)

Kabatskov, A.N. “Nauchnaya konferentsiya ‘Ego-dokumenty: mezhistrochnikovye dialogi o Rossii pervoi poloviny XX veka v istoriko-literaturnom kontekste’ (Ekaterinburg, 14–17 sentyabrya 2021 goda)” [The scientific conference “Ego-documents: inter-source dialogues about Russia in the first half of the 20th century in the historical literary context” (Yekaterinburg, September 14–17, 2021)]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*, vol. 29, no. 3 (2022): 112–17. (In Russian)

Kabatskov, A.N. “O chem molchit dnevnik rabocheho zavoda № 19 A.I. Dmitrieva” [What the diary of A.I. Dmitriev, a worker of plant no. 19, is silent about]. In *Ego-dokumenty: Rossiya pervoi poloviny XX veka v mezhistrochnikovykh dialogakh* [Ego-documents: Russia of the first half of the 20th century in inter-source dialogues], edited by M.A. Litovskaya, and N.V. Surzhikova, 309–32. Moscow; Yekaterinburg: Kabinetnyi uchenyi, 2021. (In Russian)

Litovskaya, M.A., and N.V. Surzhikova, eds. *Ego-dokumenty: Rossiya pervoi poloviny XX veka v mezhistrochnikovykh dialogakh* [Ego-documents: Russia of the first half of the 20th century in inter-source dialogues]. Moscow; Yekaterinburg: Kabinetnyi uchenyi, 2021. (In Russian)

Savel'eva, I.M. “Lichnaya istoriya vs Velikii narrativ v dnevnikakh voennogo vremeni” [Personal history vs Great narrative in war-time diaries]. In *Ego-dokumenty: Rossiya pervoi poloviny XX veka v mezhistrochnikovykh dialogakh* [Ego-documents: Russia of the first half of the 20th century in inter-source dialogues], edited by M.A. Litovskaya, and N.V. Surzhikova, 29–60. Moscow; Yekaterinburg: Kabinetnyi uchenyi, 2021. (In Russian)

Sorokin P.A., and R.K. Merton. “Sotsial'noe vremya: opyt metodologicheskogo i funktsional'nogo analiza” [Social time: a methodological and functional analysis]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, no. 6 (242) (2004): 112–19. (In Russian)

Zaretskii, Yu.P. “Ego-dokumenty sovetskogo vremeni (iz issledovatel'skogo opyta), ili Vstupitel'noe slovo” [Ego-documents of the Soviet time (from research experience), or An opening address]. In *Ego-dokumenty: Rossiya pervoi poloviny XX veka v mezhistrochnikovykh dialogakh* [Ego-documents: Russia of the first half of the 20th century in inter-source dialogues], edited by M.A. Litovskaya, and N.V. Surzhikova, 6–28. Moscow; Yekaterinburg: Kabinetnyi uchenyi, 2021. (In Russian)

Информация об авторе

Андрей Николаевич Кабацков – кандидат исторических наук, доцент, <https://orcid.org/0000-0002-9119-3930>, afsnik@gmail.com, Пермский государственный национальный исследовательский университет (д. 15, ул. Букирева, 614068 Пермь, Россия).

Information about the author

Andrei N. Kabatskov – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, <https://orcid.org/0000-0002-9119-3930>, afsnik@gmail.com, Perm State University (15, ul. Bukireva, 614068 Perm, Russia).

Статья поступила в редакцию 31.07.2023; одобрена после рецензирования 12.12.2023; принята к публикации 15.02.2024.

The article was submitted 31.07.2023; approved after reviewing 12.12.2023; accepted for publication 15.02.2024.